

РЕЦЕНЗИИ

J. Loja. Valodniecibas pamatjautājumī. — Rīgā, 1958. 359 стр.

Работа проф. Я. В. Лоя «Основные вопросы языкознания» состоит из семи основных разделов (Введение; Общие вопросы языкознания; Лексикология, фразематика, лексикография; Фонетика; Грамматика; Стилистика; Письмо), включающих в себя более мелкие подразделения. В книге имеются очень краткое предисловие и обширный список специальной литературы. Нет возможности в краткой рецензии остановиться на всех вопросах, затронутых в работе столь широкого охвата. Как положительную сторону этой во многом своеобразно написанной работы нужно отметить то, что в целом ряде случаев в ней приводится свежий и интересный иллюстративный материал. Следует указать также, что по многим сложным вопросам, не получившим до сих пор однозначного решения, проф. Я. В. Лоя решительно и определенно высказывает собственную точку зрения, приводя в ряде случаев самостоятельную аргументацию. Не вдаваясь в полемику с автором по отдельным спорным положениям (категорическое исключение словообразования из лексикологии и отнесение его к морфологии; рисуемая автором картина возникновения первичного языка; отрицание системного характера лексики в отличие от фонетики и грамматики; некоторые синтаксические воззрения автора и др.), считаем целесообразным, однако, остановиться на отдельных неточностях и противоречиях работы.

Очень большое место в книге (стр. 53—123) уделено генеалогической классификации языков. Достоинством рассматриваемой части является то, что классификация большого числа языков не превращается в их простой перечень, а сопровождается живо изложенными сведениями о территориальном распространении языков, об их строе, количестве говорящих на них, истории, памятниках, о важнейших национальных писателях и т. п.

Отметим некоторые частные недостатки. Непонятно, почему сербский и хорватский варианты литературного сербскохорватского языка представлены как отдельные языки, почему резыанский диалект словенского языка (не всегда выделяемый даже в качестве диалекта) фигурирует в классификации как самостоятельный язык. Ошибочно (или неудачно сформулировано?) замечание о том, что из четырех современных северногерманских языков — исланд-

ский, норвежский, датский и шведский — «первые два более близки между собой и образуют западную группу северногерманских языков, два другие — восточную группу» (стр. 85). Исландский и норвежский, датский и шведский «более близки» между собой только в отношении географического распространения. Что же касается собственно лингвистической характеристики, то грамматические и лексические различия наиболее заметны между исландским — с одной стороны, и датским, шведским и норвежским — с другой, и наименее заметны между датским и норвежским, а фонетические наиболее значительны опять же между исландским и остальными скандинавскими языками, из которых шведский и норвежский очень близки между собой в фонетическом отношении, резко отличаясь от датского.

Неточным представляется определение различия между генеалогической и морфологической классификацией языков, данное на стр. 123: «...генеалогическая классификация языков распределяет языки по определенным группам по материальному сходству, т. е. по родству корней. Типологическая классификация языков устанавливает определенные языковые типы по структурному сходству, независимо от родства или неродства языков...». Такое понимание материального сходства («по материальному сходству, т. е. по родству корней»), как основания генеалогической классификации языков, является, несомненно, слишком узким. Важнейшим критерием для установления родства языков является не «родство корней» (оно может быть, например, результатом заимствования), а генетическое тождество грамматических (словообразовательных и т. е. морфем) морфем. Противопоставление принципа «материального сходства», понимаемого как «родство корней», принципу «структурного сходства» при типологической классификации не дает ясного понимания того, что в вопросе об установлении родства языков на первом месте стоит сравнение грамматического строя языков, а не их словарного состава (высшем, ниже, в разделе, специально посвященном сравнительно-историческому методу, находим совершенно справедливые указания на то, что «сходство между родственными языками является материальным сходством звуков, слов и форм и при этом не случайным сходством отдельных слов и форм, а регулярным сходством всей системы слов и особенно форм» — стр. 151).

Остается пожалеть об отсутствии примеров морфологических соответствий в родственных языках в подразделе, посвященном сравнительно-историческому методу (стр. 151—158). Единственный пример, относящийся к области сравнительной морфологии [чтобы узнать, что существительное мужского рода (напр., латышское *vilks* и литовское *vilkas*) в индоевропейском языке-основе имели окончание *-os*, нам следует обратиться к греческому языку (*lýkos* — волк) — стр. 153], ничего не дает ни для представления о методике установления генетического тождества, ни для уяснения методов реконструкции соответствующих форм.

Вероятно, стоило бы определение сравнительно-исторического метода (стр. 151) и замечание о том, что «сравнительно-исторический метод применим только при исследовании родственных языков» (см. там же), дополнить указанием на то, что проникнуть в историю языка можно и на основе сравнения при помощи этого метода фактов одного и того же языка на разных ступенях его развития, а также и фактов одного языка, существующих в нем синхронно, тем более, что на стр. 152 дается (без каких-либо комментариев) пример, относящийся именно к области так называемой «внутренней реконструкции».

В разделе «Морфологическая классификация языков» не вполне ясно изложен вопрос о синтетическом и аналитическом строе языков. Может вызвать недоумение такое, например, определение, как: «Аналитические языки — это такие языки, в которых самостоятельное слово морфологически децентрализовано, состоит из нескольких слов (разрядка моя. — Т. Б.) и в которых отношения самостоятельных слов к другим словам в предложении выражаются служебными словами, например, предлогами, порядком слов в предложении и т. д.» (стр. 128). Очевидно, лучше было бы исключить из этого определения неясную формулировку о том, что «слово... состоит из нескольких слов», ограничившись второй его частью. Терминологической небрежностью можно объяснить такую формулировку, как «по-английски формой родительного падежа а человека» является *of the man*, по-французски — *de l'homme* (стр. 128; разрядка моя. — Т. Б.). Кстати, эти примеры полезно было бы снабдить комментариями (например, указанием на то, что *man* и *homme* являются здесь носителями основного значения, а *of* и *de* — дополнительного, грамматического), которые могли бы сделать более понятным, что подразумевается под «морфологической децентрализацией самостоятельного слова». Не вполне убедительным опровержением мнения о большей «прогрессивности» аналитического строя по сравнению с синтетическим представляются замечания о том, что «превращение языка из синтетического в аналитический... является процессом естественного языкового развития... На месте одной грамматической системы

возникает новая... Нет абсолютно четких границ между аналитизмом и синтетизмом. В большей части языков имеются элементы обоих строев» (стр. 128). Для утверждения «равноправия» аналитического и синтетического способа выражения грамматических значений уместно было бы вспомнить о тех известных случаях в истории некоторых языков, когда старые аналитические формы уступали место новым синтетическим (латинский аффикс будущего времени из *habere*; французский — из *avoir*; ср. также тенденцию к образованию синтетических форм степеней сравнения в английских многосложных прилагательных и пр.).

Определение задач лексикологии, данное автором, как кажется, противоречит его же определению задач этимологии. С одной стороны, «лексикология рассматривает слова как неделимые (бесструктурные) и неизменные обозначения лексических значений. Поэтому к лексике принадлежат готовые слова, но не словообразование. Место словообразования — в морфологии» (стр. 159), с другой стороны, к этимологии, т. е. «особой области лексикологии», «относятся вопросы об этимологии слов и этимологическом значении, об облике (*par vārda tēlu*) слова (и — шире — о внутренней форме слов), о деэтимологизации и о народной этимологии» (стр. 160; разрядка везде моя. — Т. Б.).

Следовало бы более подробно остановиться на необходимости при установлении этимологии слов учитывать строгие фонетические соответствия, существующие между привлекаемыми к исследованию языками. Примеры, приводимые в соответствующем месте книги («Так, например, если мы латышское слово „*dūmi*“ сопоставляем с лит. *dūmai*, русск. *дым*, свскр. *dhūmas*, греч. *thymós*, лат. *fumus* и т. д., то мы говорим, что это и есть этимология слова „*dūmi*“. Слово „*ēvele*“ происходит от ср.-н.-нем. „*hövel*“ — такова этимология этого слова» — стр. 160), не дают ясного представления о методах и принципах научного этимологизирования, так как они не сопровождаются комментариями о закономерности соответствия балт.-слав. *d* — др.-инд. *dh* — греч. *th* — лат. *f*; балт. *ū* — слав. *ы* и т. д.

Общезвестна трудность определения некоторых важнейших лингвистических понятий — таких, как «слово», «предложение» и др. Следует все же заметить, что определение слова, данное проф. Я. В. Лоя на стр. 166 («Слово в лексикологии — это звук или совокупность звуков, связанная в данном языке с определенным значением»), является не лучшим из существующих, так как морфема, словосочетание, предложение или ряд предложений также подходят под это определение. К тому же сам автор, подчеркивая неделимость слова как объекта лексикологии, приравнивает к слову номинативное словосочетание (стр. 166; ср. также стр. 266). Границы и природа слова как такового оказываются, таким образом, неясными.

В связи с главой «Три направления

в развитии лексики» (стр. 176—185) можно сделать следующие замечания. Не отличается четкостью рассмотрение вопроса о лексических архаизмах. Здесь автор различает «vesvārdi» (*vecs* — «старый, древний, ветхий») и «senvārdi» (*sens* — «старинный, древний, старый»). К первым относятся «слова, которые вышли из общего употребления и которые именно из-за их „неповседневности“ могут быть употреблены в более высокоом, торжественном стиле или в поэзии» (стр. 176). Ко вторым — «слова, которые полностью подверглись забвению, окончательно исчезнув из языка» (стр. 177).

Приведенные примеры не выясняют в достаточной степени соответствующих понятий. С одной стороны, примеры внутри каждого из подразделений не однородны. Так, к «vesvārdiem» наряду с действительно стилистическими архаизмами *avs* «овца, агнец», *biķeris* «чубок», *citkārt* «иногда», *dieveris* «деверь» и т. п., т. е. словами, которые перестали употребляться в современном латышском языке, заменившись другими словами, отмечены такие слова, как *bajārs* «боярин», *bandinieks* — истор. «батрак, получавший от хозяина в качестве заработной платы кусок земли в пользование» (это слово, кстати сказать, употребляется в современном латышском в терминологическом значении «пешка» без какой бы то ни было стилистической окраски), *kriens* «плата за невесту», *sagša* «сагша» (большой тканый шерстяной платок, принадлежность латышского национального костюма), — т. е. слова, исчезнувшие из активного запаса говорящих вместе с исчезновением из действительности соответствующих явлений или понятий (так называемые «историзмы»). С другой стороны, некоторые примеры из одного подразделения представляются однородными с примерами из другого. Так, слово *smirds* «смерд», отмеченное ко второму подразделению, по-видимому, в стилистическом отношении не отличается, например, от слова *bandinieks*, приведенного в первом подразделении, слово *matīt* «думать, чувствовать» приведено и в том, и в другом подразделении.

Последнее подразделение главы, посвященной развитию лексики, касается изменения значения слов (стр. 183—185). Следует отметить, что не все из одиннадцати выделяемых автором «главных видов изменения значения слов» (каждому виду посвящен отдельный параграф) иллюстрируются удачными примерами. Так, в качестве примера развития абстрактного значения из обозначения конкретных предметов (§ 1) приводится лат. *pecunia* «деньги», образованное от *pecus* «скот». Не говоря о том, что здесь речь идет о семантическом соотношении производящего и производного слова, степень «отвлеченности» обоих приведенных значений представляется одинаковой. Можно сомневаться в том, что примеры, приводимые в § 5 под *fronte*, которое «раньше обозначало только „линию между двумя войсками“, теперь же „любую борьбу“: „фронт науки“, „фронт техники“», и слово *spārni* „крылья“ —

«первоначально только у птицы, позже — у мельницы, самолета и др.»), являются иллюстрацией «расширения значения слова».

При определении различия между полисемией и омонимией автор выдвигает традиционный субъективно-психологический критерий («ощущается» или «не ощущается») связь между значениями — стр. 185). Распространенным является и то понимание антонимии и синонимии, которого придерживается автор, однако оно вряд ли может быть признано самостоятельным. Указывая, что «в контексте синонимами могут стать слова, которые по своему лексическому значению далеко отстоят друг от друга» (стр. 187), автор, по сути дела, лишает понятие синонима всякого лингвистического содержания. То, что «одного и того же человека при определенных обстоятельствах, например в вагоне, можно назвать то „гражданин“, то „пассажир“, то „молодой человек“» (стр. 187), очевидно, никак не относится к лексикологии. Точно так же вряд ли целесообразно считать антонимами *умереть* — *жить* (почему не *родиться* или *выздореветь?*), *миг* — *вечность*, *плакать* — *смеяться*, *сладкий* — *горький* и т. п. (стр. 185—186). Наличие контрастно-ассоциативной связи между теми или иными словами (часто различной в разных ситуациях), по-видимому, не может служить основанием для признания этих слов антонимами, если слову «антонимы» придавать какое-либо терминологическое значение.

Несколько частных замечаний. Вряд ли удачным примером иноязычного слова, которое «со временем уступает место слову данного языка» (стр. 164), является *dieveris* «деверь», замененное словом *virabrālis* (буквально «брат мужа»). Не ясно, в каком смысле это известное многим индоевропейским языкам слово (в том числе литовскому — ср. совр. литов. *dieveris*), восходящее, по-видимому, к индоевропейскому праязыку, названо «иноязычным». Есть неточности в распределении слов, принадлежащих к основному словарному фонду латышского языка, по четырем рубрикам (см. стр. 164—165): слово *debesis* «облако», по-видимому, должно быть отнесено к «индоевропейскому», а не к «восточнобалтийскому» фонду; точные литовские соответствия имеют латыш. *kāts*, *saukt*, *sirms* (ср. литов. *kotas*, *šaukti*, *širmas*), помещенные автором в группу слов, имеющих «только в латышском языке»; глагол *bārt* следовало включить по крайней мере в третью группу (ср. литов. *baroti*), а может быть, и в первую (ср. русск. *бароты* — *брань* и другие индоевропейские соответствия). Едва ли есть основания приводить русское *нож* (стр. 195; ср. также стр. 147) среди заимствований из балтийских языков (др.-прусс. *pagis* «кремьень»); слово вполне убедительно этимологизируется на славянской почве (ср. *наитъ*, восходящее, по мнению некоторых ученых, к и.-е. *enogh «колоть»).

В разделе «Фонетика» недостаточно четко представляется определение терминов «вариант» и «вариофон» (стр. 228; из этого определения, а также из приводимых иллюстраций можно заключить, что «вариант»

соответствует «вариации», а «вариофон» — «варианту» в терминологии московских фонологов. Заметим, что в связи с этим является неселательным нетерминологическое употребление на стр. 234 слова «вариации» по отношению к узкому *e* и широкому *ɛ* латышского языка, названным на стр. 228 «вариофонами»). Непонятно, почему из фонематической системы латышского языка оказались исключенными простые долгие гласные (см. перечисление латышских фонем на стр. 227): как известно, количественное различие между простыми гласными латышского языка является фонологически значимым (на это указывает и сам автор на стр. 249 и 241, приводя многочисленные примеры фонематической самостоятельности соответствующих кратких и долгих гласных). Ошибочно замечание о том, что «смягчение согласных в немецком и русском языках зависит от характера последующего гласного» в отличие от «постоянной мягкости» латышских среднеязычных *l*, *n*, *k*, *g*; «независимой от следующего гласного» (стр. 236). В русском языке твердость-мягкость согласных потому и имеет фонологическое значение, что как раз не *з* а в и с и т от последующего гласного (исключение составляют только заднеязычные), отличие же смягченных (палатализованных) согласных русского языка от мягких (палатальных) согласных латышского состоит в том, что для первых поднятия языка к твердому нёбу является дополнительной артикуляцией, для вторых же — основной.

В связи с разделом «Грамматика» можно сделать следующие замечания. Совершенно справедливы указания проф. Я. В. Лоя на то, что «так как классы слов являются грамматической категорией, следует давать им грамматическое определение. Нельзя, например, определять существительное, перечисляя бесконечное множество различных реально-лексических явлений, как это часто делается в школьных грамматиках» (стр. 274—275). Однако определения основных грамматических разрядов слов, данные самим автором [такие, например, как «существительное — это класс слов, которые обозначают предмет или какое-нибудь другое явление (качество, действие, обстоятельство) в предметном виде» — стр. 274, «прилагательное обозначает качество или какое-нибудь другое явление в виде качества» — стр. 277 и т. п.], представляются недостаточными именно в плане их «грамматичности». Ведь без включения его в с а м о п р е д е л е н и е у к а з а н и я на то, что, например, существительное, выражая «п р е д м е т н о с т ь», представляет ее (например, в русском или латышском языке) в формах рода, числа и падежа и т. д., соответствующие понятия («предметность», «качественность», «процессуальность») становятся совершенно бессодержательными. Следовало бы, по-видимому, отметить, что так как содержание «предметности», «качественности» и т. п. является различным для разных языков, дать удовлетворительное общее определение соответствующих частей речи невозможно.

Едва ли удачной иллюстрацией суппле-

тивизма (заметим кстати, что в определенной соответствующего явления вызывает недоумение то место, где говорится, что у супплетивных форм «может не быть ничего общего в фонетическом и лексическом отношении»; разрядка моя.— Т. Б.) можно считать большинство из приводимых на стр. 269 примеров. В первую очередь, это относится к таким парам, как *auns* «баран» — *aita* «овца», *gailis* «петух» — *vista* «курица», *vērsis* «бык» — *govs* «корова»; супплетивные образования выделяются лишь на фоне соответствующей системы словоизменения, т. е. только в том случае, если соответствующие категории регулярно выражаются в языке нормальными грамматическими способами. Вызывает сомнение и отнесение членов «пары» *cilvēks* «человек» — *laudis* «люди», «народ» к супплетивным формам одного слова (независимо от того, считать ли вообще соотношение единственного и множественного числа у существительных словоизменительным или словообразовательным): в отличие от русск. *человек*, употребляющегося во множественном числе лишь при определенных, синтаксически ограниченных условиях, латыш. *cilvēks* обладает нормальной формой множественного числа. Нельзя согласиться и с трактовкой местоимений *es* «я» — *mēs* «мы», *tu* «ты» — *jūs* «вы» как словоизменительных форм одного слова. Не удачен пример выражения падежного значения при помощи «места в предложении», приводимый на стр. 276. Не точны сведения о классах (родах) слов в ланском языке (стр. 277). Едва ли можно считать русск. *тысяча*, *миллион*, а также *двое*, *втрое*; *двоим*, *втроем*; *двоице*, *втройце* числительными (ср. стр. 286). Вряд ли есть основания называть англ. *of*, *to*, *by* «произшедшими из предлогов падежными частицами, *of* — для обозначения генитива, *to* — датива, *by* — инструментального падежа» (стр. 287; заметим кстати, что для выражения собственно инструментального значения в английском употребляется предлог *with*, а не *by*).

Встречается небрежность в формулировках, нежелательная в работе, которая может служить учебным пособием, например: «союзы выражают связь между с л о в а м и и п р е д л о ж е н и я м и»; предлоги (так же, как падежи) выражаю^т отношения между п р е д м е т а м и» (стр. 260; разрядка моя.— Т. Б.).

В заключение отметим некоторые опечатки (их в книге немного): *satem* (стр. 54, 77, 82) вместо *satam*, литов. *ągštas* и *pjauti* (стр. 74) вместо привятых в современной орфографии *ąkštas* и *piauti*; литов. *buva* (стр. 74) вместо *buvu*; др.-инд. *asrk* (стр. 74) вместо *asrk*; др.-инд. *śūnah*, *gāuh* (стр. 147) вместо *śūnah*, *gāuh* (заметим кстати, что следовало бы унифицировать подачу санскритских примеров: в некоторых случаях слово дается с *ś* в абсолютном исходе — ср. стр. 160, в других — с висаргой, например на стр. 147; кроме того, вряд ли целесообразно отказываться от общепринятой транскрипции санскритских примеров — ср. *adžāh* на стр. 147 вместо *ajāh*),

литов. *vāriās* (стр. 148) вместо *vāris*; греч. *thymós*, лат. *fūmus* (стр. 160) вместо *thymós*, *fūmus*; литов. *ėsti* (стр. 184) вместо *ėsti*; литов. *gintāras* (стр. 195) вместо *gintāras*; нем. *Revolution* (стр. 196) вместо *Revolution*; франц. *Menagerie* (стр. 341) вместо *Ménagerie*.

Отмеченные недостатки несколько снижают ценность этой в общем, несомненно, полезной книги. Поскольку они касаются главным образом отдельных неточностей и неудачных формулировок, они могут быть устранены при переиздании.

Т. В. Булыгина

J. Erben. Abriss der deutschen Grammatik. — Berlin, Akademie-Verlag, 1958. 208 стр. (Institut für deutsche Sprache und Literatur der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).

Создание грамматики немецкого языка, построенной на современном материале, излагающей систематически и полно литературные нормы, является давно назревшей и неотложной задачей германистов. Над составлением такой грамматики работает в настоящее время Институт немецкого языка и литературы Немецкой Академии наук (ГДР). Выход в свет «Очерка по немецкой грамматике» И. Эрбена знаменует один из этапов этой работы и заслуживает поэтому особого интереса и внимания. Книга содержит синхронное описание современного литературного языка с очень незначительными историческими примечаниями, объясняющими происхождение некоторых форм, и с большим количеством иллюстративных примеров, частично из литературных источников, частично составленных автором.

Сложность грамматического материала состоит в несоответствии формы и функции, когда различные формы служат для выполнения одной и той же функции, в то время как одна форма многофункциональна. В качестве отправного пункта исследования может быть избрана форма или функция. Эрбен избирает функцию и последовательно проводит принцип «от функции к форме». Основная цель автора — показать функцию и форму в их единстве. При этом оба понятия трактуются широко; так, форма слова охватывает не только словоизменятельные и словообразовательные форманты, но и все показатели ее синтаксической роли: сопровождающие слова, порядок слов и пр., под функцией же понимается и грамматическое значение формы, и отчасти лексическое значение соответствующих слов, и использование ее в предложении. Этим И. Эрбен хочет преодолеть разрыв между морфологией и синтаксисом, а также устранить размежевание между фонетикой, грамматикой и словообразованием. Достигается эта цель прежде всего своеобразным построением и распределением материала.

Книга Эрбена состоит из двух неравных частей — первая, значительно большая (160 стр.), посвящена слову, вторая (около 30 стр.) — предложению. Морфема и

словосочетание единицами не признаются, и поэтому им не отведено самостоятельного места; рассмотрение морфем включено в словообразование и словоизменение, а словосочетания растворены во всех разделах книги.

Одна из основных идей И. Эрбена — идея «валентности» слов — непосредственно связана с учением о словосочетании. Под «валентностью» или «семантическим согласованием» (*semantische Kongruenz*) понимается необходимость или возможность слова быть дополненным другими словами. И. Эрбен приводит высказывание К. Бюлера, что «слова определенного разряда открывают вокруг себя одно или несколько пустых мест, которые должны быть заполнены словами определенных других разрядов» (стр. 165). Идея валентности, несомненно, удачна и плодотворна, она является как бы смысловым ключом к словосочетаниям. Ею занимаются не только немецкие ученые: И. Эрбен, К. Бюлер, Э. Лейзи¹, но и советские германисты В. Г. Адмони, Л. Р. Зиндер (последний интересуется этим вопросом с точки зрения теории вероятности)².

Уже само введение понятия семантического согласования указывает, какое большое место автор отводит лексическому критерию. Внимание к лексической стороне языка характерно для взглядов И. Эрбена, особенно в первой части — «Слово».

Стремление объединить все аспекты языка и представить язык как единое целое проявляется с самого начала книги — в общей части. Строительным материалом слов служат фонемы, поэтому первая глава открывается «инвентарем фонем», за которым следует описание фонологической структуры слова.

Следующие пять глав построены однотипно. В каждой описывается разряд слов по определенной схеме, которая должна охватить все стороны слова: а) обоснование нового термина — названия данного разряда, вскрывающего его функциональную сущность; б) статистические данные, показывающие удельный вес данного разряда в словарном составе; в) семанто-словообразовательная характеристика. В этой связи очень интересно понятие «ассоциативного поля», показанного на примере глагола *reinigen*. «Ассоциативное поле» представляет собой совокупность синонимических, словообразовательных и фонетических связей данного слова с другими словами одного разряда. К сожалению, при описании других частей речи «поле» не упоминается; г) перечисление функций данного разряда слов, под которыми понимаются присущие ему грамматические

¹ См.: К. B ü h l e r, Sprachtheorie, Jena, 1934; E. L e i s i, Der Wortinhalt, seine Struktur im Deutschen und Englischen, Heidelberg, 1953.

² В. Г. А д м о н и, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1; Л. Р. З и н д е р, О лингвистической вероятности, ВЯ, 1958, № 2.